

Финно-угорские элементы в искусстве ранних кочевников Южного Урала

Алексей Львович Банников

Институт развития образования Республики Башкортостан,
Уфа, Россия

Введение. Предметы, входящие в состав погребального инвентаря, особенно культового характера, служат этнокультурным, социальным и идеологическим маркером того населения и того времени, к которым они относились. Изучение проникновения инородных элементов в сферу религиозно-мифологических представлений племен Волго-Уралья позволит раскрыть новые аспекты взаимодействия кочевого и оседлого миров. В данной статье речь идет об элементах финно-угорского искусства и идеологии, нашедших отражение в искусстве ранних кочевников Южного Урала, в частности в изображениях на специфических культовых предметах – каменных жертвенниках-алтариках.

Материалы и методы. Статья основана на применении к археологическим материалам методов сопоставительного и семантического анализа, культурологического подхода.

Результаты исследования и их обсуждение. Принадлежность каменных жертвенников-алтариков к предметам жреческого круга позволяет рассматривать изображения на них как отпечаток религиозно-мифологических представлений ранних кочевников, а также уровня культурных контактов последних с соседними племенами. Образы волка и медведя на алтарях могут отражать как собственные, так и заимствованные представления.

Заключение. Исходя из сопоставительного и семантического анализа изображений на алтарях, их территориальной привязки и времени функционирования, сопоставления их с другими предметами погребального круга ранних кочевников можно сделать вывод о регулярных контактах различного плана финно-угорского и ираноязычного населения, оказавших серьезное влияние на сакральную сферу жизнедеятельности кочевых племен Южного Урала.

Ключевые слова: ранние кочевники Южного Урала, каменные жертвенники-алтарики, образ медведя, искусство, мифология, финно-угорский мир

Для цитирования: Банников А. Л. Финно-угорские элементы в искусстве ранних кочевников Южного Урала // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 3. С. 265–271. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.265-271.

Введение

Южный Урал с древности и по сегодняшний день – контактная зона, место взаимодействия различных племен и культур. Чаще всего мы наблюдаем материальные проявления такого взаимопроникновения в культуре и искусстве. Искусство ранних кочевников Южного Урала (1-е тыс. до н. э.) было неотрывной частью искусства племен скифо-сибирского мира и черпало из него сюжеты, мотивы, способы изготовления и, наконец, образы. Финно-угорский мир лесов и лесостепей Евразии, находясь на периферии великого степного пояса от Алтая до Дуная, лишь отчасти влиял на культуру и идеологию кочевников, однако порой это влияние, запечатленное в произведениях искусства,

проявлялось достаточно выразительным образом. На Урале кочевой и оседлый миры сталкивались по водоразделам, маркировавшим границы степной, лесостепной и лесной территории. Ананьевские и, позже, кара-абызские племена, которые большинство исследователей причисляют к финно-угорским культурам, сталкивались с кочевниками в Приуралье (долина р. Белой). Взаимодействия, далеко не всегда мирные, были регулярными, что отразилось в материальной и духовной культуре тех и других.

Объектом нашего исследования является такая яркая категория культуры южно-уральских кочевников, как каменные жертвенники-алтарики. Наиболее массово

вое обнаружение жертвенныхников относится к степной территории Южного Урала, позволяя считать их специфической категорией погребального инвентаря, характерного именно для данного населения в середине 1-го тыс. до н. э. Внутри нее выделяется еще более уникальная категория – жертвенныеники с зооморфными изображениями на ножках и фризах, которые, как мы предполагаем, отражают мифологические и религиозные представления кочевников. Эти изображения, в частности образы волка и медведя, их взаимосвязь и происхождение составляют предмет исследования.

Обзор литературы

Жертвенныеники Южного Урала не раз становились предметом широких дискуссий [1; 15; 16]. В ходе данных дискуссий были обозначены две основные позиции относительно выполняемых ими функций: 1) утилитарное назначение жертвенныхников, их применение в качестве ритуальных краскотерок или предметов косметического назначения [3, 32–33; 4, 64; 5, 14; 8, 172]; 2) культово-сакральное назначение, непосредственно связанное с содержанием изображений [1; 2; 6, 86; 13, 202–203; 14, 154; 15, 15–40; 16]. Не менее дискуссионными являются вопросы интерпретации изображений на жертвенныхниках. Исходя из особенностей экстерьера, исследователи видят на них волков, медведей, лошадей, баранов, хищных птиц. Детальный разбор этих взглядов осуществлен В. К. Федоровым. В то же время сам исследователь сводит большинство изображений к образу волка и соответственно связывает их с древнеиранским культом Сомы/Хаомы [15, 38–40]. Однако с этим трудно согласиться, поскольку культовая и видовая принадлежность жертвенныхников представляется гораздо более разнообразной.

Материалы и методы

Материалом для данной статьи послужили результаты исследований В. Н. Васильева, В. Ю. Зуева, К. Ф. Смирнова, В. К. Федорова, в которых был определен корпус жертвенныхников-алтарей как отдельная категория погребального инвентаря,

имеющая самостоятельное культурологическое и историческое значение, а также были сформированы основные взгляды на их применение и значение зооморфных и орнаментальных изображений. При анализе всех категорий жертвенныхников, их связи с определенными категориями населения и функционального назначения использовался сравнительно-исторический метод. Сравнительно-сопоставительный метод применялся при анализе изображений и изучении их семантики.

Результаты исследования и их обсуждение

Каменные жертвенныеники-алтарики – один из наиболее важных и интересных компонентов погребального обряда и погребальных комплексов ранних кочевников Южного Урала. Несмотря на территориальную и хронологическую ограниченность, они служат культуро-определяющим элементом южноуральского кочевого общества.

Очевидно, что зооморфные композиции на жертвенныхиках являются отражением обрядовой и религиозной принадлежности последних. Эти же композиции отражают религиозно-мировоззренческие представления кочевников, причем звериные образы и орнамент семантически связаны с идеей самого алтаря. Южно-уральские алтари на трех ножках с круглым блюдом и с зооморфными изображениями соответствуют также модели мира у ираноязычных кочевников. При этом зверь на ножке символизирует нижний мир, поверхность блюда – верхний, а фриз выступает разделительным символом.

Семантику изображений на алтарях целесообразно рассматривать в контексте евразийской традиции искусства звериного стиля, поскольку искусство кочевников Южного Урала было искусством контактной зоны и вобрало в себя элементы различных культур. Важнейшая характеристика искусства кочевников – господство в нем зооморфных образов – обусловлена особенностями мифологического мышления, во многом общего у народов, проживавших в контактных зонах, таких как Южное Приуралье [2, 167–168].

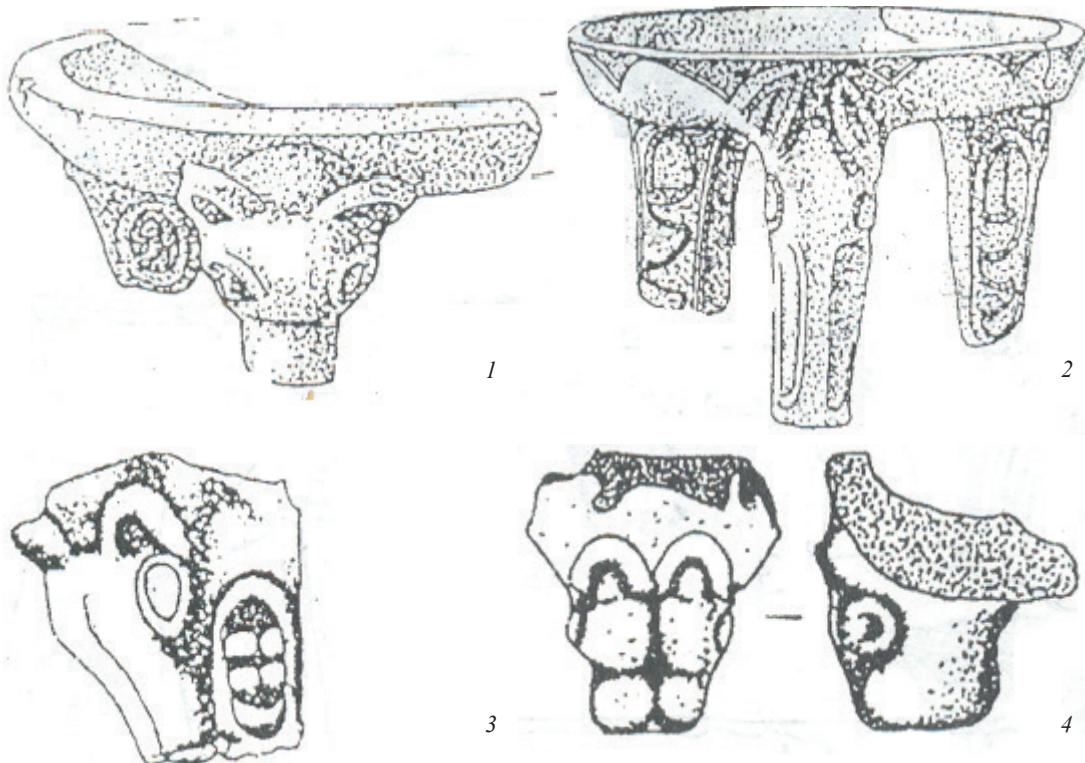

Рисунок. Примеры зооморфных изображений на жертвенниках (масштаб различен): 1, 2 – жертвенники из Обручевского кургана 2; 3 – ножка жертвенника из урочища Кумис-Сай, курган 2; 4 – ножка жертвенника из курганного могильника Бесоба, курган 12 [15, рис. 5, 7]

Figure. Examples of zoomorphic images on altars (different scales): 1, 2 – altars from Obruchevsky burial mound 2; 3 – leg of an altar from the Kumis-Sai tract, mound 2; 4 – leg of an altar from the Besoba burial mound, 12 [15, fig. 5, 7]

В соответствии с видовой принадлежностью изображений на жертвенниках мы выделяем группы волков, медведей, хищную птицу (орла?), а также синкетические изображения, в которых сочетаются черты волков и медведей. Если изображения волков и орла характерны в целом для скифо-сибирского кочевого искусства, то изображения медведей встречаются в нем гораздо реже и, как правило, связаны с заимствованиями у лесных и лесостепных соседей. Практика заимствований при этом показывает, что заимствуются прежде всего такие черты, которые близки к пониманию и жизни тех, кто заимствует. Если предположить, что жертвенники относятся к атрибутам жречества, а изображения на них указывают на религиозные и мифологические представления, то образ медведя будет стоять в одном смысловом

ряду с изображениями волка. В культурах различных народов, в том числе индо-иранских (степь) и финно-угорских (лес и лесостепь), данные образы трактуются примерно одинаково.

Медведь у многих народов Евразии – основатель традиции, предок-родонаучальник, хозяин нижнего мира и при этом обитатель мира небесного¹. На территории севера Евразии медведь пользовался уважением у местных финно-угорских народов, ему приписывались божественные свойства, его происхождение связывалось с представлениями о «сыне неба» – одухотворенном божестве природы. Особенно популярен был медведь у обских угров, являясь их тотемным предком [10, 195].

Образ медведя был распространен в искусстве и мифологии северо-западных соседей южно-уральских кочевников – пле-

¹ См.: Иванов В. В., Топоров В. Н. Медведь // Мифы народов мира: энцикл. М., 1992. Т. 2. С. 128–130.

мен ананьинской культуры Поволжья и Прикамья. Здесь он использовался для выражения годичного цикла в календарных системах, выступая при этом как универсальный зооморфный символ плодородия и цикличности в природе [9, 10]. Подобно волку, медведь имел дуалистическую мифологическую природу: будучи существом нижнего мира, он был неразрывно связан с миром верхним [12, 119]. Однако в отличие от волка медведь не просто хтоническое существо, а хозяин нижнего мира, он не только является порождением смерти, но и сам обладает порождающим началом.

Изображения медведя на жертвенныхниках представлены экземпляром из Обручевского кургана 2, а также ножками в виде медвежьих голов из кургана 2 могильника Кумис-Сай и кургана 12 могильника Бесоба (рисунок).

Образ медведя в искусстве южно-уральских кочевников распространился, вероятно, под влиянием ананьинского звериного стиля, тесную связь которого с искусством кочевников отмечал еще К. Ф. Смирнов [13, 228–229]. Вероятно, можно говорить и о влиянии зауральского лесостепного населения и возможной инфильтрации отдельных его групп в кочевую среду. Обручевский курган находился в зоне активных контактов с саргатской и иткульской культурами. Очевидно, одним из результатов подобных контактов было перенятие кочевниками некоторых религиозно-мифологических представлений племен Зауралья, в которых медведь (как и у ананьинцев) занимал важное место как хозяин нижнего мира и предок-праородитель. В данном случае медведь по своему культовому значению был сходен с волком (в том же Обручевском кургане был найден жертвенныйник с изображениями волков). Указанное сходство говорит о том, что кочевники и их военно-жреческая элита воспринимали из культуры соседних народов лишь то, что соответствовало их собственным религиозно-идеологическим представлениям. При этом медведь в отличие от волка был теснее связан не с воинскими, а с природными культурами, будучи одновременно хозяином нижнего мира и господином природы [2, 172].

В появлении изначально нехарактерных для искусства кочевников Южного Урала изображений медведя на жертвенныхниках мы видим факт смешения двух традиций – иранской и финно-угорской. Тем не менее синкретические явления обнаруживаются и в других формах. Например, в искусстве южно-уральских кочевников известен тип подвесок с композициями, сочетающими голову волка или медведя (широкий конец подвески) и голову хищной птицы (узкий конец) [14, 31–32]. Ярким примером использования образа медведя в кочевом зверином стиле, безусловно, служит деревянная чаша на ножках в виде медвежьих лап, обитых золотыми листами, с ручкой, выполненной в виде стилизованной головы медведя, из Филипповского кургана 1 [11, 77, 83].

В кара-абызский период в заимствованиях наблюдается и обратная тенденция. Так, на поясных накладках финно-угров появляются несвойственные искусству этих народов изображения грифонов, оленей, баранов, кошачьих хищников. По стилю изображений они близки к алтайским и южно-сибирским предметам искусства [7, 21].

Заключение

Исходя из сопоставительного и семантического анализа изображений на алтарях, их территориальной привязки и времени функционирования, сопоставления с другими предметами погребального круга ранних кочевников можно сделать вывод о регулярных контактах различного плана финно-угорского и ираноязычного населения, оказавших серьезное влияние на сакральную сферу жизнедеятельности кочевых племен Южного Урала. Можно также констатировать факт сильного направленного влияния идеологии и искусства финно-угорского мира на искусство степных кочевников. Оно отразилось даже на такой специфической категории предметов, как каменные жертвенныеники-алтарики, характерные в основном для степного населения Южного Урала середины 1-го тыс. до н. э. Это позволяет утверждать, что в религии и идеологии непохожих народов находятся не только разделители, но и точки соприкосновения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Банников А. Л. К вопросу о жреческом слое у кочевников Южного Урала // От древности к новому времени (проблемы истории и археологии): сб. ст. Уфа, 2000. Вып. 1. С. 177–183.
2. Банников А. Л. Сакральные и социальные аспекты интерпретации изображений на алтариках ранних кочевников Южного Урала // Сибирский сборник – 1: Погребальный обряд народов Сибири и со-пределных территорий. СПб., 2009. Кн. 1. С. 167–175.
3. Васильев В. Н. К вопросу о сарматских каменных жертвениках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Уфа, 1998. Вып. 1. С. 25–43.
4. Зуев В. Ю. Научный миф о «савроматских жрицах» // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: материалы Междунар. конф. СПб., 1996. С. 54–68.
5. Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясямин (VII–VI вв. до н. э.). Киев: Наук. думка, 1975. 224 с.
6. Кадырбаев М. К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 84–93.
7. Корепанов К. И., Обыденнов М. Ф., Овсянников В. В. Новые находки предметов древнего искусства в исследованиях археологов Башкортостана: караабызская культура. Препринт. Уфа: Юрика, 2003. 28 с.
8. Мирошина Т. В. Амазонки у сарматов и проблема матриархата // Проблемы скифо-сарматской археологии: сб. ст. М., 1990. С. 159–176.
9. Обыденнов М. Ф., Корепанов К. И. Некоторые аспекты мировоззрения финно-угорского населения Башкортостана I тыс. до н. э. Уфа: БЭК, 1998. 24 с.
10. Окладников А. П., Мартынов А. И. Сокровища томских писаниц: Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М.: Искусство, 1972. 296 с.
11. Пшеничнюк А. Х. Деревянная посуда из погребений ранних кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2000. Вып. 2. С. 76–93.
12. Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры: Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э. М.: Наука, 1985. 256 с.
13. Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.
14. Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 175 с.
15. Федоров В. К. О так называемых «савроматских жертвениках» с зооморфной декорировкой // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара, 2000. Вып. 2. С. 15–57.
16. Федоров В. К. О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвеников» Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. Уфа, 2000. Вып. 2. С. 49–69.

Поступила 18.05.2021; одобрена 23.06.2021; принята 15.07.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. Л. Банников – старший преподаватель кафедры гуманитарного образования Института развития образования Республики Башкортостан, alex_rgv@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5794-3278>

Finno-Ugric elements in the art of the early nomads of the Southern Urals

Alexey L. Bannikov

*Institute for Educational Development of the Republic of Bashkortostan,
Ufa, Russia*

Introduction. Artefacts, which are a part of the burial equipment, especially of a cult nature, are a ethnocultural, social and ideological markers of the population and time which they belong to. The research in the area of penetration of foreign elements into the sphere of religious and mythological representations can reveal new aspects of the interaction of nomadic and sedentary worlds of Volga-Urals area. This article refers to elements of Finno-Ugric art and ideology, which are reflected in the art of the early nomads of the Southern Urals, in particular, in the images of stone altar altars, specific cult objects.

Materials and Methods. The article is based on employing the methods of comparative and semantic analysis, as well as cultural approach for archaeological materials.

Results and Discussion. The belonging of stone altars to the objects of the priestly circle allows considering their images as a reflection of religious and mythological representations of early nomads, as well as the level of their cultural contacts with neighboring tribes. Images of a wolf and a bear on the altars can reflect both their own and borrowed ideas.

Conclusion. Based on the comparative and semantic analysis of the images on the altars, their territorial binding and the time of operation, comparison of them with other objects of the burial circle of early nomads, we conclude that there are regular contacts of different nature of Finno-Ugric and Iranian-speaking population, which had a serious impact on the sacred sphere of life of the nomadic tribes of the Southern Urals.

Keywords: early nomads of the Southern Urals, stone altars, bear image, art, mythology, Finno-Ugric world

For citation: Bannikov AL. Finno-Ugric elements in the art of the early nomads of the Southern Urals. *Finno-ugorskii mir = Finno-Ugric World*. 2021;13:265–271. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.265-271.

REFERENCES

1. Bannikov AL. To the question of the priestly layer in the nomads of the Southern Urals. *Ot drevnosti k novomu vremeni (problemy istorii i arkheologii): sb. st. = From antiquity to modern times (problems of history and archeology)*. Collection of articles. Ufa; 2000;1:177–183. (In Russ.)
2. Bannikov AL. Sacred and social aspects of the interpretation of images on the altars of the early nomads of the Southern Urals. *Sibirskii sbornik – 1: Pogrebal'nyi obriad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii = Siberian collection – 1: Funeral rite of the peoples of Siberia and neighboring territories*. Saint-Petersburg; 2009:1:167–175. (In Russ.)
3. Vasil'ev VN. On the question of the Sarmatian stone altars of the nomads of the Southern Urals. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik = Ufa Archaeological Gazette*. Ufa; 1998;1:25–43. (In Russ.)
4. Zuev VIu. The scientific myth of the “Sauro-Sarmatian priestesses”. *Zhrechestvo i shamanizm v skifskii epokhu: materialy Mezhdunar. konf. = The Priestess and Shamanism in the Scythian era. Materials of the International conferences*. Saint-Petersburg, 1996: 54–68. (In Russ.)
5. Il'inskaia VA. Early-Scythian mounds of the basin of the Tyasmin river (VII–VI century BC). Kiev; 1975. (In Russ.)
6. Kadyrbaev MK. Mounded necropolises of the upper reaches of the river Ilek. *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremia = Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian time*. Moscow; 1984:84–93. (In Russ.)
7. Korepanov KI, Obydennov MF, Ovsianikov VV. New finds of ancient art in the research of archaeologists of Bashkortostan: Karaaba culture. Ufa; 2003. (In Russ.)
8. Miroshina TV. Amazons have sarmats and the problem of matriarchy. *Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii: sb. st. = The problems of Scythian-Sarmatian archaeology*. Collection of articles. Moscow; 1990:159–176. (In Russ.)
9. Obydennov MF, Korepanov KI. Some aspects of the worldview of the Finno-Ugric population of Bashkortostan I thousand BC. Ufa; 1998. (In Russ.)

10. Okladnikov AP, Martynov AI. Treasures of Tomsk writers: neolithic and bronze age cave paintings. Moscow; 1972. (In Russ.)
11. Pshenichniuk AKh. Wooden utensils from the burials of early nomads of the Southern Urals. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik* = Ufa Archaeological Gazette. Ufa; 2000;2:76–93. (In Russ.)
12. Raevskii DS. Model of the world of Scythian culture: Worldview problems of the Iranian-speaking peoples of the Eurasian steppes of the I millennium BC. Moscow; 1985. (In Russ.)
13. Smirnov KF. The Savromates. Early history and culture of Sarmats. Moscow; 1964. (In Russ.)
14. Smirnov KF. Sarmats on Ilek. Moscow; 1975. (In Russ.)
15. Fedorov VK. About the so-called “Savromat altars” with zoomorphic decorations. *Rannesarmatskaia kul'tura: formirovaniye, razvitiye, khronologiya: materialy IV Mezhdunar. konf. “Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii”* = Early-Sarmatian culture: formation, development, chronology. Materials IV International conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”. Samara; 2000;2:15–57. (In Russ.)
16. Fedorov VK. On the functional purpose of the so-called “Savromatic altars” of the Southern Urals. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik* = Ufa Archaeological Gazette. Ufa; 2000;2:49–69. (In Russ.)

Submitted 18.05.2021; reviewing 23.06.2021; accepted 15.07.2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. L. Bannikov – Senior Lecturer, Department of Humanities Education, Institute for Educational Development of the Republic of Bashkortostan, alex_rgv@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5794-3278>
